

10 ИЮН 1987

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. Москва

Сегодня разговаривала с Фаиной Георгиевной Раневской — комок в горле, до сих пор не могу прийти в себя от нее, уже будто «уходящей» и говорившей, что ей уже пора, что «все позади» и в этом «позади» так мало хорошего! А какой при этом светлый ум, так остро воспринимающий все окружающее, так точно все характеризующий, добрый и нежный! Почему раньше не была с ней знакома, как много она могла бы мне дать, как давно я хотела этого, сколько времени пропущено, — дай бог ей здоровья и нам радости общения с ней! Может быть, это разговор с ней не дает мне сейчас спать, и мучаюсь ее старостью, ее болями, ее одиночеством и боюсь, так боюсь за нее, как могла бы только за очень мне близкого человека, которого очень давно знаю. Дай ей бог!

Как хочется что-то сделать для нее, чем-то порадовать, побыть с ней, никуда не торопясь, посидеть на диване под фотографиями, — «это самое дорогое, что у меня есть». И это понятно: Ахматова, Пастернак, Шостакович, Цветаева, Уланова — вся стена увешана этими фотографиями с дарственными надписями, фотографии приколоты к обоям иголками для внутривенных уколов, и в углу около кресла под торшером — фотографии собак, которых так любила Фаина Георгиевна. Позже, когда Фаина Георгиевна попросила меня принести свою фотографию, я, понимая, что не могу претендовать на эту «стену», попросила повесить мою среди собак, и надо сказать, выглядела там вполне органично.

Удивительно сочетается в этом человеке множество почти несоединимых черт: необычайная эмоциональность и трезвый острый ум, поразительные оценки, точные, подчас желчные характеристики и невероятная наивность, нежность, мудрость, кокетство, детскость, откровенность (о себе и других), жестокость и удивительная обидчивость, мнительность, ранимость, часто безапелляционность — и вдруг боязнь обидеть, огорчить, бесцерберность и доброта душевная! Такое чувство, что я старше ее и обязана оберегать.

«Паспорт человека — это его несчастье, ибо человеку всегда должно быть 18 лет, а паспорт лишь напоминает, что ты не можешь жить, как 18-летний человек!»

Много говорили о Цветаевой. Фаина Георгиевна подарила мне очень дорогую для нее и для меня книгу с надписью: «Марине — Марину с любовью к обем». Читаю ее сейчас, читала и до, но теперь читаю со взглядом и через Фаину Георгиевну.

Фаина Георгиевна! Фаина Георгиевна! — всегда открытая дверь — заходите — собака Мальчик, ласкательно Маня — самое близкое существо — «если его не станет, я умру», — Мальчик, живи вечно!

Цветы в почти пустой квартире, пустой холодильник (все продукты отданы кому-то, «а мне все равно ничего нельзя»), пакеты с пшеном на подоконнике — для птиц и птичек (предпочитаются воробьи), книги, книги, книги — везде, на столе и на столике, в постели, на стуле, на диване, — книги, которые еще не разданы и не украдены (дверь же открыта — бери, что видишь), — Томас Манн и Даррелл, Диккенс, конечно, Пушкин, книги на французском языке рядом с альбомом про собак, «Новый мир» и газеты, очки и на всех обрывках листов, на газетных белых полях, на коробках — записанные, зафиксированные, в эту секунду пришедшие мысли или воспоминания, а иногда и несогласие с кем-то.

«Фаина Георгиевна, почему вы не написали или не пишете книгу про все: про вас, про всех, кого вы знали, любите, видели?» И — ответ: «Написала, прочла и (шутя, как всегда) — поняла, что Толстой писал лучше, и из самолюбия разорвала все написанное». Хотя бы это была ее фантазия, хоть бы не разорвала! Сидим, говорим про Цветаеву (вернее, я задаю вопросы, а говорит Фаина Георгиевна), про Ахматову, про то, что, долго читая Цветаеву, устаю, а потом «отдыхаю» на Ахматовой, что Анна Андреевна человечнее и понятнее, что Марина Цветаева — гений и всегда не здесь, даже слушая, смотрит «насквозь, куда-то в свое», что невероятно умна, своеобразна, одна такая и не как все.

А я смотрю, слушаю Фаину Георгиевну и думаю, что ей и правда 18 лет, — я старше, не глупее. После общения с ней как будто надыхалась кислородом и немного кружится голова. После подобных встреч очень трудно становится общаться с кем-то, переоценка и заниженность их — совершенно другой мозговой и сердечный уровень.

«Не могу сейчас ни с кем общаться, не хочу никого видеть — все только про то где достать — никакой души».

«Моя собака живет, как Сара Бернар, а я как сенбернар». И правда: и собака, и цветы, и птицы не одиноки так, как она, страшное слово — одиночество, — произнесенное ею без желания вызвать сострадание, а так, скорее констатация — «девочка, если бы вы знали, как я одинока». И сердце сжимается, когда это слышишь именно от нее, от человека, любимого всеми.

Я открыла свою старую тетрадку и переписала оттуда почти все, что записано мной сразу после встреч с Фаиной Георгиевной Раневской. Это память, а память, как мне кажется, не нуждается в шрифтке.

Пушкин. «Пушкин не человек, это планета».

«Не сплю, сон покинул меня, страшная бессонница, думаю, страдаю, вспоминаю все ночами, жизнь прошла, а я не сыграла своей роли!»

Сидит в кресле, днем, с зажженным торшером, читает, читает без конца, беспокоится о Мальчике, кормит птиц, почти ничего не ест, глаза мудрого ребенка, теплые и чуть-чуть ироничные, грустные и улыбающиеся, вдруг... и вдруг озаренные каким-то воспоминанием или внезапно пришедшей в голову шуткой, и сама уже та-ак заразительно смеется, глядя на смеющуюся меня.

Приезжаю от нее домой. Звоню — Фаина Георгиевна: «Как вы доехали, я

— Деточка, я почти не выхожу из дома, и к тому же я не могу оставить Мальчика одного: он скучает.

— Тогда можно я вам здесь все сыгрую?

Господи, как же хорошо для нее играть! Сидим на кухне, она в бывшем французском халате (ему 100 лет, вижу, что одет на левую сторону, но не по ошибке, а из каких-то соображений, цвет мой любимый — фиолетово-сиреневый), извиняется, что в таком халатном виде, я говорю, что ей он идет, и тут же в ответ:

— Деточка, что мне сейчас идет, кроме гробовой доски?! А вы знаете, что он одет у меня на левую сторону?! — Знаю.

Марина НЕЕЛОВА

Спешите делать ДОБРО

беспокоилась». Я: «Не успела позволить». А она успела. Вся в этом.

Жажда и потребность любить, ждать, быть нужной.

— Фаина Георгиевна, вы верите в бога?

— Я верю в бога, который есть в каждом человеке. Когда я совершаю хороший поступок, я думаю, это дело рук божьих.

Звонит мне утром, и я, не проснувшись, — басом:

— Фаина Георгиевна, можно я вам перезвоню чуть позже?

Перезваниваю.

— Деточка, что в вашем голосе? Вы пили всю ночь?

— Я не пью, Фаина Георгиевна.

— Спасибо.

— ?????

— Боюсь за вас, только не пейте!

— ?????

— Я так испугалась вашего голоса, я боюсь, что после спектакля вы идете в ресторан и гуляете!

— Фаина Георгиевна, дорогая, это невозможно, я в рестораны не хожу вообще, не люблю этого, и это может для меня быть только как наказание.

— Спасибо, деточка, не растрчивайте себя впустую, прошу вас.

Милая Фаина Георгиевна, нежный человек, с неистраченной любовью, вернее, с запасами ее неиссякаемыми!

— И снимайтесь реже в кино: когда мне снится кошмар — это значит, я во сне снимаюсь в кино. И вообще, сейчас все считают, что могут быть артистами только потому, что у них есть голо-совый связки. — Читает на обороте книжки чье-то изречение: — «Искусство — половина святости». Нет, я бы сказала иначе: искусство — свято.

Была у Фаины Георгиевны, провела с ней день: завтракали, обедали, говорили и даже играли: нечто вроде ее импровизации и моего подыгрыша. Пригласила ее на спектакль «Спешите делать добро».

— Откуда?

— У вас карман внутри.

— Правильно!!!

И хохочет так восторженно, как будто я только что родила какую-то невероятную шутку!

Боже мой, как я счастлива, когда стою у плиты в этой ее кухне, вижу, а скорее, чувствую, как она смотрит на меня, играющую монологом весь спектакль «Спешите...», как потом она молчит, а я и не жду слов — мне ее слезы и ее молчание дороже множества похвал: быть таким зрителем — это особый талант, это еще один особый дар, который у нее есть.

— А вы знаете, что мне говорила Ахматова? — «Милуша, вам только 11 лет и никогда не будет 12 и не надейтесь и не расстраивайтесь: Боренька (Пастернаку) всего 4».

— А старость — это просто свинство, я считаю, что это невежество бога, что он позволил доживать до старости. Господи, уже все ушли, а я все живу, Бирман, и та умерла, а уж от нее я этого никак не ожидала. Страшно, когда тебе внутри 18, когда восхищаешься прекрасной музыкой, стихами, живописью, а тебе уже пора, ты ничего не успела, а только начинаешь жить!

— Деточка, снимите шапочку!

— Я без шапки, это мои волосы.

— Боже! Такое маленькое личико и так много волос, личико, как курный лупик, нет, даже воробьиный, тогда выстригите немного волос, а потом — такой лоб, его нельзя скрывать, им нужно гордиться.

Потом вдруг лицо становится незнакомым и — со страшным украинским

говором: «Ну, погадай, выйду я замуж или нет, ну, у меня же ж и деньги имеются, а то взамуж страх как хочется, я ж заплачу...»

На той, подаренной мне Фаиной Георгиевной книжке на первом листке рукой Фаины Георгиевны написано: «Вспомнилась молодая Марина, а потом постаревшая, усталая, вернулась из Парижа, другая Марина, постарше, но Марина. Я плакала, Марина утешала, потом война, я увезла близких в Ташкент, Марину все бросили, Марина удавилась в Елабуге. Моя всегдашняя мука Марина».

Прошу рассказать про их встречу... Рассказывает, будто это было вчера.

— Вхожу в дом, где обещали встречу с Мариной. Где же она? За столом пожилая, седая женщина сидит, закрыв лицо руками. Где Марина Цветаева?

— Я Марина Цветаева.

Как воспитанный человек, делаю вид, что узнала. Не узнаю совсем. Изменилась.

— Вы меня не узнаете, Марина?

Делаю вид, что узнала.

— Узнаю.

— Я Фаина Раневская.

— Господи!

Стоим, плачем, обнявшись посередине комнаты.

Получила деньги, тогда — 5000 рублей, зарплата. Еду к Цветаевой, говорю, получила деньги, хочу поделиться — расцвела.

Пачка в сумке, в банковской упаковке, рукой, незаметно пытаюсь ее разорвать, чтобы поделить пополам, она не поняла (не заметила? — слава богу!) и взяла всю пачку.

— Фаина, спасибо, я знала, что вы добрая!

Стою замерев: не знаю, что делать, что принесу домой, на что будем жить целый месяц всей семьей, что скажу? Продаю свое колечко и прихожу домой с зарплатой.

Какое счастье, что я тогда не успела поделить пополам, что отдала все! После ее смерти на душе чувство страшной вины за то, что случилось в Елабуге!

19 июля. Вот и все... Уже никогда больше не пойду к Фаине Георгиевне Раневской. Была сегодня, и это был последний раз, хотя каждый раз, уходя от нее, боялась, что это последний. «Вы можете пойти к ней в четверг или субботу, она обрадовалась, узнала, что вы придете». Еду, страшась: вдруг сегодня действительно не узнает, вдруг нельзя будет видеть!

Пожатие, как ни странно в таком состоянии и положении, крепкое и приятное. Стою, глажу ее руку, а другая — в рукопожатии — неотпускаем. Иногда, в середине фразы, как будто находить забытые, кажется, что, устав, она заснула, но вдруг, сразу, без «просыпания», продолжение разговора:

— Что у вас в театре?

— «Вирджиния Вульф».

— Как хорошо, что где-то репетируют хорошие пьесы.

Собирается консилиум, решают делать операцию. Отрывается тромб. Фаина Георгиевна: «Нет, не хочу».

— Это чтобы вы встали быстрее на ноги и не хромали.

— А вы что, думаете, что я собираюсь играть «Даму с камелиями»? Нет, не собираюсь.

Врачи просят не утомлять.

Мне пора ехать на спектакль «Спешите делать добро». Иду прощаться. Целую руки, лоб, щеку.

— Благослови вас господь, девочка, будьте счастливы!

А в 10.30 Фаины Георгиевны уже нет. Она без нас, а мы остались без нее!

Потеря!

А Мальчик, слышавший столько стихов на французском языке («Мой Мальчик знает всю французскую поэзию»), Мальчик, за которого так боялась Фаина Георгиевна, — жив!

Сегодня 40 дней со дня смерти Фаины Георгиевны.

Поразительное явление Фаина Георгиевна: каждый из нас настолько точно знает, чего бы она не допустила, будь она с нами, что даже понятие поминки приобретает совершенно другой знак. Все стали вспоминать какие-то истории, связанные с Фаиной Георгиевной, ее рассказы, ее фантазии, шутки и про книгу Фаины Георгиевны, которая так никогда и не была написана, вернее, была разорвана: «Я не хочу, чтобы кто-то читал мою жизнь!» Жаль, она замечательно писала, а впрочем, все, за что она бралась, было талантливо. Фаина Георгиевна однажды ни с того ни с сего купила школьную акварель и стала рисовать, и замечательно! Кто-то даже пришел к мнению, что это ранний Ван Гог, но по крайней мере все утверждали, если не могут назвать точную фамилию, это... это рука профессионала. «За это ручаюсь».

А сколько забавных мордочек в ее настольной тетради-календаре: так рисуют дети или очень талантливые взрослые — характеры, взгляды, реакции, образы — все глазами Фаины Георгиевны, некоторые с подписями, некоторые зачеркнуты ею же! Не хотела, чтобы потом прочитал кто-то посторонний. На одной странице жестокая характеристика одного режиссера. «Он великий человек, он один вместил в себя сразу Ноздрева, Собакевича, Коробочку, Плюшкина — от него исходит смрад».

Я все время вспоминаю одну ее фразу, сказанную однажды и не привязанную ни к какому конкретному разговору: «У меня хватило ума так глупо прожить жизнь».

Фото Ю. РОСТА